

НАРОДЫ и КУЛЬТУРЫ

Абхазы

НАУКА

Абхазы

Ответственные редакторы:
Ю.Д. АНЧАБАДЗЕ, Ю.Г. АРГУН

Издание второе, исправленное

МОСКВА
НАУКА
2012

Однако это решение не имело никакого значения, так и не вступив в силу. Кроме того, оно противоречило Акту от 20 марта 1919 г., признанному тогда и Учредительным собранием. А еще весной 1920 г. абхазский народ бойкотировал выборы в Учредительное собрание Грузии, которое тем самым было лишено юридических оснований на оформление так называемой автономии Абхазии. Помимо того, статья 107 Конституции Грузии носила расплывчатый характер и трудно понять о какой автономии (политической или культурной) шла речь. К тому же «положение об автономном управлении», упомянутое в статье 108, вообще не было выработано.

Агрессивная политика правительства Грузии вызвала крайнее недовольство абхазского, армянского, русского, греческого, значительной части грузинского населения Абхазии. Это облегчило установление советской власти в крае 4 марта 1921 г. Утверждение новой власти, совпавшей по времени с «новой экономической политикой» (НЭП), воспринималось народами Абхазии как избавление от репрессий и вмешательства Грузинской Республики.

СОВЕТСКАЯ АБХАЗИЯ В 1921 – НАЧАЛЕ 1991 г.

В конце февраля 1921 г. абхазские повстанческие отряды Караз в сопровождении полка IX Красной Армии выступили против регулярных войск меньшевистского правительства Грузии по линии границы по р. Псоу. Тесня с боями грузинские войска, каразовцы и красноармейцы опирались на поддержку и сочувствие местного населения, воспринимавшего их как освободителей от диктатуры властей Грузии.

4 марта грузинские войска были выбиты из Сухума, а 10 марта последний грузинский солдат покинул абхазскую землю. Вся власть отныне сосредоточилась в руках Революционного комитета (Ревкома) Абхазии во главе с Е.А. Эшба (1893–1939).

28 марта 1921 г. в Батуме состоялось совещание Кавказского бюро ЦК РКП (б). Оно одобрило позицию нового абхазского руководства по вопросу о будущем государственном устройстве и статусе Абхазии. На основании этого 31 марта Ревком Абхазии принял Декларацию об образовании Социалистической Советской Республики Абхазия (ССР Абхазия). Некоторое время спустя, Ревком Грузии выразил согласие с этим решением, обнародовав Декларацию «О независимости Социалистической Советской Республики Абхазии».

Между тем очень скоро началась кампания по ликвидации самостоятельности. В высших партийных кругах под нажимом и диктовку И.В. Сталина стала внедряться установка на то, чтобы «партийную работу вести в направлении объединения Абхазии и Грузии в форме автономной республики, входящей в состав ССР Грузии». Абхазия оказалась в безвыходном положении, ее руководители стали искать наиболее приемлемые в данной ситуации решения.

16 декабря 1921 г. между ССР Абхазии и ССР Грузии был подписан Союзный договор, по которому они вступали в «военный, политический и финансово-экономический союз». Впрочем, к деталям и фактической разработке статей договора так и не приступили, что давало абхазскому руководству большие возможности для самостоятельной деятельности.

Состоявшийся 12–17 февраля 1922 г. I съезд Советов Абхазии сформировал новые органы государственной власти: Центральный исполнительный комитет (ЦИК), первым председателем которого стал Е.А. Эшба (1893–1939), и Совет Народных комиссаров (СНК), который возглавил Н.А. Лакоба (1893–1936).

Энергичный, деятельный и умный политик Н.А. Лакоба вскоре выдвинулся в качестве единоличного руководителя республики (с 1930 г. он стал председателем ЦИК Абхазии). После бурных дебатов I съезд Советов Абхазии был вынужден одобрить Союзный договор с Грузией, однако в дальнейшем Н.А. Лакоба удавалось по мере возможности сохранять самостоятельность Абхазии в рамках взаимоотношений с Грузией.

Так, Абхазия приняла ряд конституционных актов, имевших большое значение в укреплении и расширении суверенитета ССР Абхазии. В 1924–1925 гг. были разработаны и утверждены Флаг и Герб Республики Абхазии, Положение о ЦИК и СНК, народных комиссариатах, о судопроизводстве и другие законодательные акты конституционного характера. Тогда же были введены в действие кодексы ССР Абхазии: уголовный, гражданский, уголовно-процессуальный, земельный, лесной.

Состоявшийся в конце марта – начале апреля 1925 г. III съезд Советов Абхазии утвердил и ввел в действие Конституцию ССР Абхазии. В ней, как и в Конституции Грузии (февраль 1922 г.), получил свое закрепление факт объединения этих республик на основе Союзного договора 1921 г.

В первые годы советской власти партийные и советские органы Абхазии стали проводить масштабные мероприятия по подъему социально-культурного и хозяйственно-экономического уровня жизни абхазского населения и других этнических групп республики. Успешно велась ликвидация неграмотности, внедрялось массовое школьное образование, целенаправленно готовились кадры специалистов нужных профессий, в том числе путем направления талантливой молодежи на учебу в ВУЗы России, в Тифлис. Менялась структура народного хозяйства, в частности, за счет внедрения новых субтропических культур, создания отраслей фабрично-заводского производства. Успешно претворялась программа по превращению благодатного края во «всесоюзную здравницу». Значительное внимание уделялось развитию национальной культуры абхазского народа, становлению ее профессиональных форм – литературы, театра, музыки, живописи, хореографии (*Куправа*, 1968, 1977, 1981; *Прицкер*, 1987; *Гумба*, 1990).

Однако впереди Абхазию и ее народ ждали тяжелейшие испытания.

В феврале 1931 г. статус Абхазии как ССР, находящейся в договорных отношениях с Грузинской ССР, был снижен до уровня автономной республики (АССР) и она была введена в состав Грузинской ССР. Этот, естественно, заранее решенный высшим советским руководством вопрос «обсуждался» и был «одобрен» 11 февраля 1931 г. на VI съезде Советов Абхазии. 19 февраля 1931 г. Всегрузинский Съезд Советов принял резолюцию «О вхождении Социалистической Советской республики Абхазия в Социалистическую Советскую Республику Грузия как Автономной республики». Реакцией на это решение стал массовый сход протеста абхазского народа 18–28 февраля 1931 г. в с. Дурипш, который собрал более 20 тыс. человек. Сход выразил недоверие Советской власти и правительству. Однако вопрос был решен. Акт инкорпорации Абхазии в Грузию знаменовал собой начало целой серии мероприятий, направленных на фактическое сворачивание автономии Абхазии и попытку насильственной ассимиляции абхазов.

27 декабря 1936 г. 43-летний лидер Абхазии председатель Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) Республики Н.А. Лакоба был отравлен в тбилисской квартире Л.П. Берия и скончался утром следующего дня. Официальной версией смерти стал сердечный приступ, хотя сомнений в его насильственном характере нет.

Поляна в с. Лыхны – историческое место всенародных сходов абхазов
Республика Абхазия, Гудаутский район. Фото Л.Т. Соловьевой, 2005 г.

Н.А. Лакоба был захоронен в Сухуме со всеми советскими почестями. Неординарный лидер, выходец из народа, простой и доступный, он пользовался огромной популярностью в Абхазии. При нем Абхазия не спешила с организацией колхозов, чем абхазский лидер заслужил критику И.В. Сталина, крестьянство не знало ужасов раскулачивания, которое свирепствовало в соседних республиках, а старые абхазские аристократы спокойно доживали свой век, без боязни быть арестованными и сосланными в Сибирь. На его похороны пришли тысячи граждан, было много телеграмм от советских и зарубежных коммунистов. Знаменательно, что Л.П. Берия на похороны не приехал. Несколько месяцев спустя, в начале 1937 г., в прессе прошла сенсационная новость, что в Абхазии раскрыт антиправительственный заговор, ставящий целью “убийство великого Вождя мирового пролетариата И.В. Сталина и лидера грузинских коммунистов Л.П. Берия”. Во главе заговора, как сообщалось, был “обер-бандит Лакоба”. Лакоба был посмертно объявлен “врагом народа”, и его могила была уничтожена. В Абхазии началась вакханалия террора.

Сталинские чистки и кровавые репрессии, охватившие весь Советский Союз, были не менее свирепы в самой Грузии, на родине Сталина, где тысячи невинных людей были арестованы по сфабрикованным обвинениям, подвергнуты пыткам и казнены, либо сосланы в концлагеря. Тем не менее, в Абхазии эти чистки носили дополнительный этнический оттенок, так как объектами репрессий стали в основном этнические абхазы, хотя на тот период они уже не составляли и 20% населения своей республики. Почти сразу же после “разоблачения” Н.А. Лакоба почти все абхазское правительство, ближайшие родственники и со-

И.В. Сталина и Л.П. Берия и расстреляны как “враги народа”. В период между июлем 1937 г. и октябрём 1938 г. в Абхазии было арестовано 2,186 тыс. человек, из которых 794 также были расстреляны как “враги народа”. В период между 1937–1941 гг. было казнено около 3 тыс. человек (Сагария, 1995. С. 10). Жертвами репрессий были представители самых разных социальных слоев, в том числе виднейшие деятели абхазской культуры: писатель С. Чанба, историк С. Ашхацава, С. Басария, лингвисты А. Хашба и В. Кукба. И это лишь несколько имен из длинного мартиролога абхазских потерь. Под страхом ареста были вынуждены бежать из Абхазии видный музыковед, этнический венгр, но много сделавший для развития абхазской музыкальной культуры К. Ковач, лингвист К. Шакрыл. Стали сгущаться тучи и над народным поэтом Абхазии и ученым Д. Гулиа, но, к счастью, он избежал прямой расправы.

Одной из важнейших задач, которую партийно-советское руководство Грузии поставило перед новыми властями Абхазии, набранными, в основном из присланных из Тбилиси чиновников, являлась активизация мероприятий по переселению на абхазские земли жителей внутренних районов Грузии. Соответствующий опыт уже имелся. Меншевистское правительство Грузии прилагало немало усилий для колонизации Абхазии этническими грузинами, выделяя на это значительные суммы. Благодаря этим усилиям, уже в 1920-х годах грузинские поселения появились в Гагре, Гумисте (около Сухума), а также в горных с. Псху и Цабал.

Однако настоящего и истинно массового размаха переселенческая политика достигла в советский период. В недрах Народного Комиссариата сельского хозяйства Абхазии 25 июня 1938 г. был организован специальный переселенческий отдел (Абхазпереселенстрой). Он должен был осуществлять координацию мер по переселению в Абхазию. 20 октября 1939 г. правительство Грузии приняло план по переселению в Абхазию в 1940 г. 700 крестьянских семей из Грузии. В 1940 г. Плановая комиссия Абхазии рапортовала правительству, что тысячи грузинских крестьянских семей были переселены из Грузии в Абхазию, составив там 11 колхозов (в общей сложности 1650 семей). 20 марта того же года правительство Грузии одобрило план по переселению в Абхазию в 1941–1942 гг. 4800 грузинских крестьянских семей. 25 апреля 1940 г. Народный Комиссариат Грузии принял новое постановление, в соответствии с которым в 1940–1944 гг. еще 5404 семей должны были быть переселены из Грузии в Абхазию. 29 апреля 1942 г. грузинское правительство одобрило план по переселению в Абхазию дополнительно еще 5276 грузинских семей.

Эти мероприятия, которые радикально и необратимым образом изменяли демографическую ситуацию в Абхазии, вызывали растущую тревогу и недовольство коренного населения, которое стало все более неуютно себя чувствовать в массе вновь прибывающих колонистов. Однако любые проявления недовольства пресекались на корню. К концу 1940-х годов от абхазской политической и даже культурной автономии мало что оставалось, кроме имени.

В такой обстановке Абхазия встретила начало Великой Отечественной войны. 55,5 тыс. мужчин и женщин Абхазии всех национальностей сражались на фронтах. Не вернулись к родным очагам 17,436 тыс. человек. 22 война Абхазии получили звания “Героя Советского Союза”, из них четверо абхазов – В.К. Харазия, Я.Б. Кокоскерия, Р.М. Барциц, В.А. Габлиа. Немецкие войска, которые рвались к нефтяным скважинам Баку, оккупировали Западный Кавказ и стояли у границ Абхазии, заняв все перевалы, а также высокогорное с. Псху. Однако овладеть Абхазией они так и не смогли, благодаря усилиям частей 46-й

армии, стоявшей в Абхазии (под командованием генерала К. Леселидзе), а также местных истребительных батальонов.

Послевоенные годы ознаменовались новым витком жестокой политики, направленной на подавление абхазской национальной культуры и образования. Еще в мае 1937 г. абхазский латинический алфавит был заменен на новый – на основе грузинских букв. Это стало этапом на пути уничтожения системы обучения на абхазском языке.

Постановление Бюро Абхазского Обкома от 13 марта 1945 г. гласило: “1. С целью улучшения качества учебно-воспитательной работы в школах Абхазской АССР, подготовки квалифицированных кадров из числа абхазов и идя навстречу пожеланиям широких масс абхазской интеллигенции, самих учащихся и их родителей, отменить существующую систему обучения в абхазских школах. 2. Учитывая наличие общего алфавита и лексическое сходство грузинского и абхазского языков, а также знание значительной частью абхазского населения грузинского языка, общность материальной и духовной культуры родственных грузинского и абхазского народов, перевести обучение в абхазских школах с 1945–1946 учебного года на грузинский язык” (*Шария*, 1994. С. 11).

Таким образом, абхазский язык был устранен из системы школьного образования в Абхазии. Абхазские школы были закрыты, и единственным языком обучения для абхазских детей стал грузинский язык, которого они в своем подавляющем большинстве не знали. Помимо абхазских, были закрыты также армянские и греческие школы. В Гагре, Гудауте, Очамчыре и Гале были организованы грузинские педагогические училища, и многие учителя из Западной Грузии вместе с их семьями были “приглашены” переехать в Абхазию и учить абхазов грузинскому языку. Были прекращены радиопередачи на абхазском языке, а сам абхазский язык был объявлен диалектом грузинского языка. Вслед за специальным указом Совета Министров Абхазии, принятым в июле 1946 г., были сняты все вывески на абхазском языке. В 1940-х годах из официального употребления исчезает даже само выражение “абхазский народ”.

В марте 1947 г. при Президиуме Верховного Совета Абхазии была создана специальная “Комиссия по транскрипции названий населенных пунктов”. В 1948–1952 гг. более чем 150 исконных абхазских названий мест были заменены на новые грузинские (*Сагария*, 1995. С. 12). Следует отметить, что волна переименований началась задолго до этого, в частности, в августе 1936 г. имя столицы Абхазии – Сухум – было изменено на грузинский лад – Сухуми.

В 1949 г. Л.П. Берия организовал депортацию из Абхазии в Сибирь и Казахстан абхазских греков (в общей сложности 6121 человек), турков, лазов и немцев (*Лежава*, 1988. С. 24). Их дома были отданы вновь прибывшим грузинским колонистам. Известно, что в 1941–1942 гг., а затем вновь в 1949–1951 гг. имелись планы по депортации из Абхазии в Сибирь и всего абхазского населения. Не вполне ясно, почему И.В. Сталин так и не дал окончательного одобрения на депортацию абхазов. По-видимому, учитывая условия военного времени, а затем послевоенную разруху в СССР, было решено, что выделение средств на депортацию и обустройство на новом месте около 60 тыс. абхазов было бы слишком накладно, и практичнее было бы просто ассимилировать их на месте. В то же время абхазы, в целом, достаточно доброжелательно принимали грузинских колонистов и помогали им обустраиваться на новом месте. Нужно также отметить, что перемещение населения из Грузии в Абхазию было лишь частично добровольным, многие грузинские семьи не желали расставаться со своими родными очагами и переселяться в незнакомую им Абхазию. Однако их желания никто не спрашивал, и были предусмотрены специальные меры, для того чтобы

организовать возвращение переселенцев в родные места в Грузии. прямым итогом целенаправленной переселенческой политики Тбилиси в Абхазии стало дальнейшее снижение удельного веса коренного абхазского населения, которое таким образом было превращено в меньшинство на собственной земле.

Проводилась дискриминационная кадровая политика. Ведущие посты в партийных и правительственных органах Абхазии занимались, за редкими исключениями, этническими грузинами. В 1952 г. из 288 партийных и советских чиновников в Абхазии только 34 были этническими абхазами, 7 русскими и 3 армянами. Все остальные были этнические грузины, в основном прибывшие из других районов Грузии (*История Абхазии*, 1993. С. 361, 367). Как пишет по этому поводу Д. Слайдер: “...изменяющийся этнический состав населения Абхазии отражался на составе коммунистической партии Абхазии, поскольку многие из новых переселенцев были членами партии... Процентный состав абхазских членов партии продолжал стабильно снижаться с 1938 г. до конца 1950-х годов, достигнув самого низкого уровня 13,3% в 1950 г. Грузины, с другой стороны, были всегда избыточно представлены в абхазской партийной организации, достигая с 1950 г. более чем 50%” (*Slider*, 1985. Р. 52–53). Помимо этого, абхазы дискриминировались при продвижении на любые социально значимые позиции, многие из них подвергались гонениям и преследованиям, о чем свидетельствуют преданные ныне гласности документы местных органов госбезопасности (Абхазия: документы свидетельствуют..., 1991; Абхазский архив, 2002).

Однако даже в те годы находились смельчаки, которые решались на сопротивление. Рискаю жизнью, абхазские ученые – Г.А. Дзидзария, К.С. Шакрыл и Б.В. Шинкуба – обратились в 1947 г. с письмом в ЦК КПСС, протестуя против репрессий, направленных против абхазской культуры и языка, а также против политики колонизации Абхазии и смены исконной топонимики. XX областная партийная конференция (сентябрь 1948 г.) осудила авторов письма как “буржуазных националистов”. В выступлениях утверждалось, что “абхазы это грузинское племя (как, например, мегрелы, сваны) и на протяжении всей истории они всегда были неотъемлемой частью грузинского народа”, и что “язык абхазов, подобно языку других грузинских племен – мегрелов, лазов, сванов является ближайшим родственным языком грузинскому языку”.

Мрачный и кровавый период сталинизма вошел в абхазские учебники истории и остался в исторической памяти народа как вторая попытка – после массовых этнических чисток и депортаций, проводимых в XIX в. в Абхазии Российской империей – геноцида абхазского народа. Тяжесть наследия сталинизма в Абхазии признавали и некоторые грузинские лидеры. Так, характеризую этот период, первый секретарь Коммунистической партии Грузии Э.А. Шеварднадзе в своей речи на XI пленуме центрального комитета республиканской партии (27 июня 1978 г.) сказал: “Надо прямо сказать, что в прошлом, в известный вам период, по отношению к абхазскому народу проводилась политика, которую можно характеризовать практически как шовинистическая, давайте будем называть вещи своими именами... Такие акции, как закрытие школ на родном языке, притеснение национальных институтов, практика абсолютного недоверия в кадровой политике и другие, о чем вам хорошо известно, так просто не предаются забвению” (*Лежава*, 1999. С. 24).

Действительно, без осознания той тяжелейшей травмы, которую оставил в исторической памяти абхазского народа период сталинизма и бериевщины, трудно понять природу последующих абхазо-грузинских трений и конфликтов.

В ходе десталинизации страны многочисленные письма, поступающие из Абхазии, вынудили руководство СССР и грузинской коммунистической партии

ских прав абхазов. В резолюции Президиума ЦК КПСС “Об ошибках и недостатках в работе Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии”, принятой в июле 1956 г., говорилось: “В Абхазии, Южной Осетии искусственно создавалась неприязнь между грузинами, абхазами, армянами, осетинами, проводилась умышленная политика ликвидации национальной культуры местного абхазского, армянского и осетинского населения, осуществлялась их насильственная ассимиляция”.

В 1954 г. абхазам было позволено вернуться к алфавиту, основанному на кириллице. В 1954–1955 гг. были вновь открыты абхазские и армянские школы, и преподаватели абхазского и армянского языков, которые были уволены в 1945 г., смогли возобновить свою работу. В Сухумском педагогическом институте был создан факультет абхазского языка и литературы. В мае 1955 г. Президиум Верховного Совета Грузии принял резолюцию о восстановлении некоторых исконных абхазских топонимов. Были изменения и в “кадровой” политике. Если после 1938 г. пост первого секретаря Абхазского Обкома партии всегда занимали этнические грузины, то в постсталинский период этот пост уже занимали этнические абхазы, а грузинам отводился пост второго секретаря.

Хрущевская оттепель, которая сменила мрачный период сталинизма, принесла новые надежды на улучшение жизни. Жесткий идеологический контроль коммунистической партии над писателями и другими работниками творческой сферы был несколько ослаблен. К этому времени относится становление новой абхазской интеллигенции, которой уже не нужно было опасаться за свою жизнь, высказывая свои идеи и печатая свои произведения. Одновременно с этим происходит и процесс становления новой абхазской идентичности, на базе переосмысления и переживания недавней трагедии попыток насильственной ассимиляции и реальной угрозы депортации всего народа.

1970–1980-е годы характеризовались, как и во всей Грузии, несомненным расцветом национальной культуры во всех ее проявлениях – в науке, литературе, театре, искусстве. Неусыпный и временами жесткий идеологический контроль сохранялся. Тем не менее, именно это время “застоя” оказалось наиболее плодотворным для многих национальных культур народов Советского Союза, а также для формирования национальных идентичностей.

Несмотря на резкую критику абхазами национальной политики Тбилиси, внутри Абхазии между абхазами и грузинами, а также представителями других этнических общин, царили вполне доброжелательные отношения, не наблюдалось случаев межэтнических столкновений. Количество межэтнических браков между абхазами и грузинами (в основном мегрелами) превышало количество браков между абхазами и другими этническими группами.

Абхазы находили эти меры по улучшению ситуации в республике половинчатыми и обвиняли грузинское руководство в продолжении политики грузинизации Абхазии. Главными причинами их недовольства была практика отчуждения абхазов от принятия решений в их республике и отсутствие механизмов, которые позволяли бы им оказывать влияние на политические, экономические, демографические, культурные, образовательные и другие процессы в Абхазии. Власти Абхазии не могли самостоятельно решать ни одного серьезного вопроса, касающегося экономических, социальных или культурных проблем внутри Абхазии. Так и не были восстановлены все исконные абхазские топонимы. В Абхазии все еще не было университета и телевизионных программ на абхазском языке. Возражения вызывала и кадровая политика, когда на руководящие посты в Абхазии назначались присланные из Грузии чиновники, в ущерб мест-

наиболее больших вопросов продолжала оставаться непрекращающаяся иммиграция в Абхазию, в основном из Грузии, значительно ослабляющая позицию коренного населения. Для всех был очевиден контраст между “остаточным” финансированием республики и ее внушительными доходами от туризма и продукции субтропического сельского хозяйства.

Все это вызвало острое народное недовольство, которое несколько раз выливалось в массовые акции протеста и демонстрации в 1957, 1965 и 1967 гг. Однако наиболее сильные волнения в Абхазии имели место в 1977–1978 гг.

10 декабря 1977 г. 130 представителей абхазской интеллигенции направили письмо в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и в Совет Министров СССР, протестуя против “продолжения бериевской политики в Абхазии”. 18 марта 1978 г. собрание Абхазского Обкома осудило это письмо как “аполитичное, клеветническое”, “извращающее как суть, так и смысл курса ЦК Компартии Грузии по отношению к Абхазской АССР”. Многие из тех, кто подписал письмо, были исключены из компартии и уволены с работы.

Эти события совпали с публичным обсуждением текста новой Конституции Абхазской АССР. В ходе обсуждения в марте–апреле 1978 г. имели место массовые народные сходы в селах (один из митингов в с. Лыхны собрал 12 тыс. человек) и забастовки на предприятиях. Демонстранты выражали поддержку авторам письма, посланного в Москву, как выражающего волю и чаяния абхазского народа. Основными политическими требованиями демонстрантов были включение в текст Конституции Абхазской АССР положения о праве Абхазии на свободный выход из Грузинской ССР и возможность присоединения Абхазии к Российской Федерации.

Союзным руководством было решено, что дело приняло слишком серьезный оборот, чтобы его просто проигнорировать. В качестве одной из мер рассматривался вопрос о введении в Абхазию частей Советской армии, но затем было решено отказаться от применения силы. В Абхазию выехала высокопоставленная делегация из Москвы, возглавляемая секретарем ЦК И.В. Капитоновым. Обращаясь 22 мая 1978 г. к 20-тысячной демонстрации абхазов на площади Ленина в Сухуме, И.В. Капитонов заявил, что отделение в той или иной форме Абхазии от Грузии является нецелесообразным. В то же время, возглавляемая им комиссия признала, что некоторые из абхазских требований, включая отношение к абхазскому языку и культуре, кадровую политику в Абхазии, изменение абхазской топонимики и критику неоднозначных исторических публикаций, “имеют определенную основу”.

25 апреля 1978 г. ЦК Компартии Грузии признал в своей резолюции ошибки в отношении абхазского народа и осудил “ошибочные” действия Абхазского Обкома. За этим последовало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 июня 1978 г. “О дальнейшем развитии экономики и культуры Абхазской АССР”. Сходное постановление было принято ЦК Компартии Грузии.

Среди мер, направленных на преодоление кризиса в Абхазии, следует отметить экономическую помощь республике в размере 500 млн рублей. Кроме того, Сухумский педагогический институт был преобразован в Абхазский государственный университет, а в ноябре 1978 г. впервые начались трансляции телепередач на абхазском языке. Авторы письма в Москву были восстановлены в своих должностях и в членстве в компартии. Эти и другие меры помогли снизить напряженность в обществе и избежать развития ситуации в сторону большей конфронтации. В то же самое время, все это послужило причиной растущего недовольства среди грузинского населения Абхазии, которое считало, что

усматривали в этом ущемление своих прав или даже дискриминацию групп в Абхазии.

Новая Конституция Абхазской АССР была принята 6 июня 1978 г. на чрезвычайной сессии Верховного Совета Абхазии в здании Абхазского Обкома партии, которое было окружено вооруженными войсками и милицией. Несмотря на требования абхазов, устроивших многотысячный митинг перед зданием Обкома, статья, гарантирующая право Абхазии на выход из состава Грузии, так и не была включена в текст новой конституции автономной республики.

Провозглашенная новым советским лидером М.С. Горбачевым политика перестройки советской системы и гласности всколыхнула весь многонациональный Советский Союз и вдохнула новые надежды на решение долгие годы оставшихся под строгим табу проблем. На первый план все больше выдвигался так называемый “национальный вопрос”, который предыдущие советские лидеры поспешили назвать “в основном решенным”. Выразителями новых сил и настроений в обществах стали “народные фронты”, возглавленные национально ориентированными кругами интеллигенции. Это “неформальные” и подлинно демократические образования, несмотря на их зачастую радикальный характер, были зачатками новых партий и движений, тогда как переживающая острейший кризис доверия коммунистическая партия медленно, но неуклонно оттеснялась на обочину революционного процесса трансформации гигантского многонационального государства.

Не осталась в стороне от этих процессов и Абхазия. 13 декабря 1988 г. был созван учредительный съезд Народного Форума Абхазии “Аидгылара” (“Единение”), который сплотил под свои знамена различные абхазские неформальные группы и организации. Его первым председателем стал известный абхазский писатель А. Гогуа. В том же 1988 г. шестьдесят видных представителей абхазской интеллигенции написали письмо в адрес Президиума XIX всесоюзной партийной конференции, которое получило известность как “Абхазское письмо”. Приложение к письму содержало обзор истории грузино-абхазских взаимоотношений, а также факты многочисленных искривлений и перекосов в национальной политике в Абхазии, которые, согласно авторам письма, ставили абхазский народ в ущемленное положение по сравнению с этническими грузинами, что угрожало утратой абхазами своей национальной культуры и идентичности. В письме декларировалось, что акт инкорпорации Абхазии в Грузию в 1931 г. являлся грубым нарушением прав абхазского народа. Советское руководство призывалось пересмотреть решение от 1931 г. и вернуть Абхазии статус Советской Социалистической Республики, какой она имела в 1921–1931 гг.

Политические требования абхазского движения на этом этапе, таким образом, существенно отличались от требований, высказанных в 1978 г. Политическое будущее Абхазии виделось не в присоединении к РСФСР, а в восстановлении первоначального статуса Абхазии как самостоятельной советской республики.

По инициативе Народного Форума “Аидгылара” 18 марта 1989 г. в с. Лыхны был организован сход абхазского народа, собравший 37 тыс. человек. На сходе присутствовали и высшие партийные и советские руководители Абхазии – этнические абхазы. Кроме того, в сходе приняли участие около 5 тыс. неабхазских жителей республики – армян, греков, русских и грузин. В ходе обсуждения “Предложений по политическому статусу Абхазской Республики” было подтверждено требование вернуть Абхазии статус союзной республики.

Реакция на эти события в Грузии была предсказуемо резко негативной. Принятый в с. Лыхны документ был назван “безответственным антиконституционным актом”. Первый секретарь Абхазского Обкома партии Б. Адлейба, который подписал “Лыхненскую Декларацию”, был уволен со своего поста. Между тем, события в Абхазии вызвали бурную реакцию и в Тбилиси, где члены радикального общества имени И. Чавчавадзе начали 4 апреля 1989 г. голодовку, одним из требований которой была ликвидация всех автономных образований в Грузии.

9 апреля 1989 г. в Тбилиси продолжались демонстрации под антиабхазскими лозунгами. Требовали наказать абхазов и ликвидировать их автономию. Влиятельная Национально-демократическая партия Грузии вначале оставалась нейтральной и предостерегала народ об опасности межэтнических столкновений и кровопролития, что могло привести к “новому Карабаху”. Но затем, решив использовать мобилизованность масс, она резко поменяла свою тактику. Вместе с другими антикоммунистическими организациями ей удалось перевести антиабхазские лозунги в более широкий политический контекст, который включал требования независимости Грузии от Советского Союза. Массы демонстрантов заполнили улицы Тбилиси, скандируя антисоветские лозунги и требуя предоставления независимости Грузии. Лидеры грузинской компартии в панике попросили советские войска навести порядок. В результате примененного насилия погиб 21 человек, в основном женщины. Эти трагические события радикализировали грузинское национальное движение, которое стало открыто требовать выхода Грузии из состава СССР.

Совершенно деморализованное событиями 9 апреля, руководство грузинской компартии стремительно теряло власть в республике, все более уступая растущим требованиям радикалов. Следуя этой линии поведения, ЦК Компартии Грузии объявил 26 мая днем восстановления грузинской государственности, а 26 февраля – днем аннексии Грузии Советской Россией. Годовщина дня независимости 26 мая была широко и с энтузиазмом отпразднована по всей Грузии. Однако эти празднования в Абхазии вызвали возмущение у абхазов, для которых память о Грузинской Демократической республике ассоциировалась с оккупацией ею Абхазии в 1919–1921 гг.

Весь 1989 г. прошел под знаком грузино-абхазского противостояния. Существенным фактором, вызывающим значительное напряжение в обществе, стал раскол Абхазского университета по этническому признаку. Грузинская часть университетских преподавателей заявила о своем нежелании работать со своими негрузинскими коллегами. Официальный Тбилиси поддержал эти требования и издал постановление о создании в Сухуми филиала Тбилисского государственного университета им. И. Чавчавадзе.

Это решение вызвало ответные абхазские митинги и акции протеста. Протест у абхазов вызывало также “тенденциозное и оскорбительное” освещение истории и культуры абхазов в грузинской прессе, которая уже формировала устойчивый образ абхазов как “врагов” Грузии. На абхазских митингах раздавались призывы переподчинению Абхазского Обкома партии напрямую ЦК КПСС, к выходу Абхазии из состава Грузинской ССР и восстановлению самостоятельной советской республики. Ряд абхазских коммунистов заявили о своем выходе из рядов компартии Грузии. Таким образом, дебаты вокруг университета вышли далеко за рамки чисто культурных и образовательных вопросов и превратились в главную политическую проблему на уровне всей Абхазии.

Эскалация напряженности вокруг университета 15 июля вылилась в прямые абхазо-грузинские столкновения. В Сухуме в столкновениях приняли участие

молодежь грузинской национальности, знающая грузинский язык, могла бы поступить в высшие учебные заведения в Грузии, тогда как негрузины (абхазы, осетины, армяне, русские, греки и др.) оставались бы за бортом, либо были бы вынуждены продолжать свое образование за пределами Грузии. Принятие этого закона еще более убедило малочисленные народы республики в нежелании руководства Грузии считаться с их интересами.

Борясь с осетинским и абхазским сепаратизмом, в то же самое время Грузия готовилась к отделению от Советского Союза. В ноябре 1989 г. Верховный Совет Грузии декларировал суверенитет Советской Грузии и верховенство ее законов над законами СССР. Грузинский парламент 17–18 ноября официально осудил нарушение российско-грузинского договора от 7 мая 1920 г. и оккупацию Грузии в феврале 1921 г. Советской Россией.

Количество политических партий в Грузии неуклонно росло, достигнув к началу 1990 г. около сотни. Лидеры большинства этих партий преследовали сепаратистские цели, готовя грузинское общество к выходу из СССР. Главным препятствием на этом пути им виделся союзный центр, который старался сохранить единство страны, а также этнические меньшинства, имевшие территориальные автономии. Национальные движения меньшинств рассматривались ими в основном как играющие на руку центристским силам.

Грузинские “неформальные” политики не выказывали особенного интереса к диалогу с негрузинскими национальными движениями в Грузии. Такое равнодушное, а часто враждебное, либо высокомерное отношение к этим движениям, препятствовало вовлечению негрузинских политических сил в движение за независимость республики, усиливало поляризацию грузинского и абхазского национальных движений.

Параллельно с растущим влиянием “неформальных” партий в Грузии, в Абхазии росло влияние Народного Форума Абхазии “Аидгылара”, который укреплял свои позиции среди абхазской и негрузинской части населения Абхазии. На втором чрезвычайном съезде, который состоялся 3 февраля 1990 г. и на котором присутствовали представители абазинского, ногайского, кабардинского, чеченского и ингушского народов, новым председателем “Аидгылара” был избран С. Шамба. Съезд одобрил резолюцию, которая квалифицировала политику Советской Грузии по массовому переселению грузин в Абхазию, закрытию абхазских и других негрузинских школ, физическому уничтожению абхазской интеллигенции и изменению абхазской топонимики на грузинскую, как направленную на ассимиляцию абхазского народа и как “геноцид”. Резолюция также квалифицировала преобразование Абхазской ССР в автономную республику в 1931 г. как акт “политической агрессии”.

Связи абхазского национального движения с аналогичными движениями Северного Кавказа, особенно в рамках АГНК, продолжали укрепляться. Одновременно расширялось культурное взаимодействие Абхазии с российскими республиками Северного Кавказа: проводились музыкальные и театральные фестивали, художественные выставки, проходили гастроли творческих коллективов; активно практиковался обмен студентами между Абхазским и северокавказскими университетами.

В конце мая 1990 г., по инициативе правительства Абхазии, в Сухуми состоялся 30-тысячный митинг населения Абхазии, представителей народов Северного Кавказа и абхазско-северокавказской диаспоры, который был посвящен памяти жертв депортаций царской Россией народов Северного Кавказа в XIX в. В центре Сухуми был торжественно заложен камень на месте будущего мемориала в память о дне окончания Кавказской войны (31 мая 1864 г.), когда были

покорены горные абхазские общества адыгши и апота, эта территория была последним на Кавказе очагом военного сопротивления имперской России.

Эти культурные манифестации и обмены между Абхазией и республиками Северного Кавказа были встречены с огромным энтузиазмом их населением, которое с удивлением заново открывало для себя давно забытое родство и общее культурное наследие. Эти связи и контакты имели также важный психологический эффект ввиду новых угроз, которые представляли для малочисленных народов политические процессы последних лет существования Советского Союза.

В то же время эти контакты воспринимались со все возрастающим подозрением и тревогой лидерами грузинского населения Абхазии, которые понимали, что динамично формирующийся абхазо-северокавказский альянс угрожал серьезной эрозией грузинского влияния и интересам Грузии в Абхазии. Этот фактор стимулировал их все возрастающую зависимость от поддержки со стороны Тбилиси и уменьшал их желание к нахождению компромисса с абхазами без посредничества Тбилиси, который в свою очередь воспринимался абхазами как “внешняя сила”. Таким образом, и внутри Абхазии две крупнейшие общины, абхазская и грузинская, стремительно двигались в противоположные друг от друга направления, что повышало уровень их взаимного недоверия и готовило почву для трансформации латентного конфликта ситуации “холодной войны” в полномасштабный военный конфликт.

Атмосферу между грузинами и абхазами существенно отравляли грузинская пресса и телевидение, свободно распространявшие наиболее фантастические и не имеющие никакой научной основы версии о “пришлости” абхазов в Абхазию. Эти теории нередко высказывались видными грузинскими учеными и академиками, которым, естественно, легко верил неискушенный в науке простой народ. Абхазы объявлялись поздними пришельцами с Северного Кавказа, варварскими адыгскими племенами апсуйцев (от апсуаа – самоназвания абхазов), которые поселились на исконных грузинских землях и навязали свой “адыгский” язык и культуру исконному грузинскому населению, которое и являлось на самом деле “истинными абхазами”. Абхазская национальная идентичность и культура объявлялись искусственными созданиями русских и советских “империалистов” с единственной целью использовать абхазов в качестве слепого орудия против стремления Грузии к независимости. Из всего этого следовало, что абхазы, как “пришлый народ”, не могли ни претендовать на свою землю, ни отстаивать свои национальные права.

Квалификация всех этнических меньшинств как “гостей” на грузинской земле, как терпимое, но нежелательное население, как пятая колонна, специально насажденная коварной империей, которая царил в грузинских средствах массовой информации, значительно отравляла отношения между грузинами и этническими меньшинствами и вызывала отчуждение от национального движения Грузии даже самых умеренных лидеров негрузинских политических движений. В то же время деятели грузинского национального движения не скупались и на не менее яростную анти-московскую и анти-русскую риторику. Все это заставляло советское руководство смотреть более благосклонно на движения малочисленных народов, усматривая в них возможный противовес сепаратизму союзных республик.

Под давлением “неформальных” лидеров, которые пользовались широкой поддержкой и доверием населения, движение Грузии к независимости от Советского Союза приняло характер государственной политики. Верховный Совет Грузии 9 марта 1990 г. принял постановление “О гарантиях защиты государст-

ным договор от 15 декабря 1922 г. о создании Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики. Резолюция содержала предложение “начать переговоры по восстановлению независимого грузинского государства, так как договор о создании Союза Советских Социалистических Республик от 30 декабря 1922 г. был недействительным в отношении к Грузии”. Верховный Совет Грузии признал факт нарушения российско-грузинского договора от 7 мая 1920 г., назвал аннексию Грузии Советской Россией “международным преступлением”, объявил незаконным и недействительным договор 1921 г. между Грузией и Российской Федерацией. Верховный Совет Грузии 20 июня 1990 г. принял постановление “О создании легальных механизмов восстановления государственной независимости Грузии”, согласно которому ни один советский закон не был действителен в Грузии, если он не соответствовал ее интересам.

В противоположность большинству грузин, которые реагировали на эти акты с энтузиазмом, реакция абхазов была весьма сдержанной. Абхазы опасались, что в случае, если Грузия выйдет из состава СССР, они будут оставлены один на один с численно намного их превосходящей и радикально настроенной грузинской общиной. Абхазское руководство выражало свою озабоченность тем фактом, что, стремясь к достижению независимости Грузии, грузинское руководство пыталось решить судьбу Абхазии фактически без участия абхазов. Полное молчание грузинских властей по поводу будущей судьбы автономий в том случае, если Грузия станет независимой, воспринималось в Абхазии как плохое предзнаменование и подтверждало худшие опасения абхазов.

В отчаянной попытке предотвратить распад Советского Союза, правительство М.С. Горбачева пыталось противопоставить стремлению некоторых республик к выходу из СССР повышению прав советских автономий. Впервые их стали называть “субъектами федерации”, что существенно повышало их статус в рамках советской административно-политической иерархии. 26 апреля 1990 г. Верховный Совет СССР принял закон “О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации”. В нем говорилось следующее “Автономные республики – советские социалистические государства, которые являются субъектами федерации, входят в союзные республики на основе свободного самоопределения народов, обладают всей государственной властью на их территориях кроме тех полномочий, которые они делегируют Союзу ССР и Союзным республикам”. Закон, принятый 3 апреля 1990 г. “О процедуре урегулирования вопросов, связанных с выходом союзных республик из состава СССР”, оговаривал, что должны быть учтены права и интересы всех народов, населяющих союзные республики. Это означало, что в случае выхода союзной республики из состава СССР, население автономных республик имело право самостоятельно решать, выходить ли вместе с этой республикой или оставаться в составе СССР. Бывшие автономные республики (АССР) теперь назывались советскими властями “ССР”, то есть так же, как и союзные республики. Однако 20 июня 1990 г. Верховный Совет Грузии принял решение о приостановлении этого закона как “не отвечающего интересам Грузии”. С тех пор абхазские власти стали официально называть Абхазию “ССР”, а Тбилиси – по-прежнему “АССР”.

Оказавшись в состоянии правового вакуума после аннулирования парламентом Грузии 9 марта и 20 июня 1990 г. советских правовых актов, в том числе и регулирующих отношения между Абхазией и Грузией, и столкнувшись с упорным нежеланием Тбилиси обсуждать вопросы форм дальнейших взаимоотношений между Абхазией и Грузией, Верховный Совет Абхазии 25 августа 1990 г.

резолюции – “О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии” и “Концепция Абхазской ССР в условиях самоуправления, самофинансирования и перехода к регулируемой рыночной экономике”. Грузинская часть абхазского парламента бойкотировала эту сессию. Однако конституционным большинством и резолюции, и декларации были приняты.

Декларация, которая практически представляла собой основу новой конституции Абхазии и новых договорных отношений между Грузией и Абхазией, декларировала государственный суверенитет Абхазской ССР. В резолюции “О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии”, в частности, говорилось, что поскольку Верховный Совет Грузии в своих резолюциях от 18 ноября 1989 г., 9 марта и 20 июня 1990 г. объявил все государственные структуры, которые существовали в Грузии с февраля 1921 г., не имеющими юридической силы, логическим следствием этого было то, что все договорные отношения, заключенные между Грузией и Абхазией, должны теперь также рассматриваться как “незаконные”. Поэтому акт инкорпорации Абхазии в состав Грузинской ССР лишился всякой правовой основы. Единственной законной формой государственности Абхазии была ССР Абхазия, провозглашенная 31 марта 1921 г. В резолюции выражалась готовность начать переговоры с грузинским правительством по вопросу государственно-правовых отношений между Абхазией и Грузией.

Тбилиси расценил принятие этих документов как попытку отделения Абхазии от Грузии. Принятое на следующий день, 26 августа 1990 г., постановление Президиума Верховного Совета Грузии объявило документы, принятые абхазским парламентом, “недействительными и не имеющими юридической силы”.

Тем временем власть в Грузии переходила из рук старой коммунистической номенклатуры к радикальным националистам. На парламентских выборах 28 октября 1990 г. решительную победу одержала возглавляемая З. Гамсахурдия коалиция “Круглый стол – Свободная Грузия”. Абхазы и южные осетины бойкотировали выборы в грузинский парламент. Это объяснялось тем, что согласно закону, принятому Верховным Советом Грузии в августе 1990 г., участие в выборах могли принимать только общегрузинские политические движения и партии, тогда как осетинские и абхазские народные движения “Адамон Ныхас” и “Аидгылара” рассматривались лишь как “региональные” организации и потому не имели права выставлять своих кандидатов. Это явное нежелание Тбилиси включить политические партии малых народов в общегосударственные политические процессы и механизмы принятия решений еще более отчуждало последних от всего того, что происходило в политической жизни Грузии.

14 ноября 1990 г. на первой сессии нового Верховного Совета Грузии его председателем был избран З. Гамсахурдия. Смена власти происходила и в Абхазии. Верховный Совет Абхазии 4 декабря 1990 г. избрал своим председателем В.Г. Ардзинба. За него проголосовали все фракции абхазского парламента, включая и грузинскую, так как эта кандидатура не вызвала особых возражений и у нового грузинского руководства. В.Г. Ардзинба рассматривался им как новичок в политике и, что было немаловажно, он никак не был связан с ненавидимой старой коммунистической элитой.

Последний период существования Советского Союза ознаменовался всенародным обсуждением предложенного М.С. Горбачевым проекта “Договора Союза Суверенных Республик”, который декларировал, что “Каждая республика – участник договора – является суверенным государством”. Пытаясь создать препоны на пути стремлению ряда союзных республик на отделение от СССР,

чинным статусом, в качестве естественных союзников. В ходе “Новоогаревского процесса” (переговоров руководства СССР и лидеров союзных и автономных республик о реформировании СССР, состоявшихся в предместье Москвы Ново-Огарево), союзный центр сделал существенные уступки автономным республикам, согласившись на повышение их статуса фактически до уровня союзных республик. В случае, если Грузия вышла бы из СССР, Абхазия надеялась остаться в новом реформированном государстве в качестве полноценной союзной республики, что навсегда избавило бы ее от угрозы грузинского национализма и усилило бы ее связи с естественными союзниками – народами Северного Кавказа.

Всесоюзный референдум 17 марта 1991 г. о будущем Советского Союза был проведен в Абхазии в довольно напряженной обстановке, пресса сообщала о случаях столкновений между грузинской и абхазской молодежью. Большая часть грузинского населения Абхазии бойкотировала референдум. Несмотря на это, в референдуме приняло участие 52,3% всего взрослого населения, из которых 98,6% высказались за сохранение реформированного Советского Союза. В Южной Осетии 99% осетин также высказались за сохранение обновленного Союза. Грузинское правительство 22 марта 1991 г. объявило результаты референдума в Грузии недействительными.

В противовес всесоюзному референдуму, 31 марта 1991 г. в Грузии был организован альтернативный референдум по восстановлению государственной независимости Грузии. Референдум поддержало подавляющее большинство этнических грузин (почти 90% участвующих). Хотя руководство Абхазии и не выступало с призывом бойкотировать этот референдум, негрузинское население Абхазии в основном проигнорировало его.

9 апреля 1991 г. Грузия официально приняла Акт о восстановлении своей независимости и о выходе из СССР. Эти шаги были проигнорированы советским руководством и не привели к международному признанию Грузии. 26 мая 1991 г., в 74-ю годовщину первого провозглашения независимости Грузии, на общегрузинских выборах президентом Грузии был избран З. Гамсахурдия, который получил 86,5% голосов электората. Его начальные шаги в отношении Абхазии были достаточно осторожными. Однако дни его президентства были уже сочтены.

Нерешительная реакция З. Гамсахурдия во время августовского путча в Москве послужила причиной его непримиримого раскола с бывшими соратниками, которые обвинили его в сговоре с путчистами. Грузия стремительно двигалась к гражданской войне.

В то же время в Абхазии шли переговоры по структуре и этническому составу нового парламента республики. Абхазская сторона предложила двухпалатный парламент, в котором одна палата была бы избрана по пропорциональному принципу, а вторая палата представляла бы основные этнические общины Абхазии. Однако грузинские депутаты отвергли эту модель, опасаясь возможности наложения вето второй палатой на решения первой палаты, если они окажутся неприемлемыми для абхазов или других депутатов-негрузин. Кроме того, правительство З. Гамсахурдия опасалось, что такая двухпалатная структура могла бы создать прецедент и для самой Грузии, с ее значительным армянским, русским, азербайджанским и греческим населением (Жидков, 1996. С. 112). Вместо этого Тбилиси предложил однопалатный 65-местный парламент, в котором места были бы распределены в соответствии с этническими квотами: 28 мест для этнических абхазов, 26 для грузин, а оставшиеся 11 мест были бы распределены

ские фракции не смогли бы прийти к консенсусу. Тем не менее, если бы даже абхазской фракции удалось обеспечить поддержку 11 депутатов, она бы получила лишь простое большинство, но не две трети голосов, тогда как для принятия определенного рода решений было необходимо наличие квалифицированного большинства в 75%.

После некоторых дебатов абхазская сторона приняла грузинскую формулу, которая, таким образом, стала основой для выборов в новый парламент Абхазии. Выборы проводились в два этапа, 22–29 сентября и в декабре 1991 г. Спикером нового парламента был избран В.Г. Ардзинба.

Конец 1991 г. был и концом короткого правления первого президента Грузии З. Гамсахурдия. С середины августа 1991 г. оппозиция его режиму нарастала, а в конце декабря начался путч против “ненавистного диктатора”. Впрочем, путчисты одержали победу только после военной поддержки, оказанной со стороны частей расквартированных в Тбилиси войск Закавказского Военного Округа, в частности, частей спецназа Печорской дивизии (Жидков, 1996. С. 142). 2 января было объявлено о смещении Гамсахурдия со своего поста, а к вечеру того же дня власть в Грузии перешла к Военному Совету.

Военный Совет приостановил действие конституции Грузии, распустил парламент и декларировал временное возвращение к конституции Грузинской Демократической республики 1921 г. Понимая, что Грузии необходимо улучшить ее не очень привлекательный международный имидж и добиться международного признания, победившие путчисты пригласили в Грузию бывшего первого секретаря ЦК КП Грузии (1971–1985), а впоследствии министра иностранных дел СССР (1985–1991) Э.А. Шеварднадзе, который прибыл в Тбилиси 7 марта 1992 г. Вечером 10 марта Военный Совет и Консультативный Совет были распущены, вручив власть вновь сформированному Государственному Совету Грузии. Его возглавил Э.А. Шеварднадзе, который с 7 апреля стал официально именоваться Главой Государства.

Возвращение Э.А. Шеварднадзе было встречено в Абхазии с определенным облегчением и надеждой. Обладавший большим опытом управления государством, он пользовался и в России, и на Западе имиджем “демократического” политика и мало походил на пышущего примитивным национализмом З. Гамсахурдия. Проблема была в том, что когда Э.А. Шеварднадзе вернулся в Грузию, опора его прежней власти, грузинская коммунистическая номенклатура, была смещена и деморализована во время правления националистов. Перед Э.А. Шеварднадзе встала тяжелая дилемма – либо продолжать и далее эксплуатировать свой “демократический” имидж, и попытаться найти нелегкий консенсус как со сторонниками Гамсахурдия, так и с этническими меньшинствами, что могло бы ослабить его и без того шаткие позиции. Либо продолжать националистическую и бескомпромиссную политику З. Гамсахурдия, что обеспечивало бы ему поддержку как обладавших реальной силой и приведших его к власти полукриминальных сил, так и широких масс населения, требовавших улучшения жизни и искоренения сепаратизма железной рукой. Поскольку националистическая карта на тот период была просто беспроигрышной, Э.А. Шеварднадзе, возможно, не без колебаний, избрал имидж “патриотического” лидера, опираясь на который он мог бы постепенно формировать опору своей власти.

Распад Советского Союза и гражданская война в Грузии стимулировали решимость руководства Абхазии предпринять дальнейшие шаги по защите суверенитета республики. Президиум Верховного Совета Абхазии 25 января 1992 г.

принял резолюцию «О действии законов и других юридических актов на территории Республики Абхазия в связи с прекращением существования Союза ССР». Этот и другие законы, принятые парламентом Абхазии, встревожили Тбилиси, который терял контроль над наиболее важными сферами экономической и политической жизни в Абхазии.

В то же время сторонники изгнанного З. Гамсахурдия (“звиадисты”) на исторической родине его предков – в Мегрелии начали партизанскую войну против диктатуры Э.А. Шеварднадзе. Их деятельность парализовала железнодорожное сообщение через Мегрелию и Западную Грузию. Одна из баз звиадистов находилась в населенном преимущественно мегрелами Гальском районе Абхазии и, частично, в грузинских анклавах в Очамчырском, Сухумском и Гагрском районах. Сторонники З. Гамсахурдия из числа грузинских депутатов абхазского парламента пытались заручиться поддержкой своих абхазских коллег в оппозиции режиму Э.А. Шеварднадзе, но те подчеркивали свой строгий нейтралитет в связи с внутригрузинским конфликтом.

Установив контроль над неофициальной столицей Мегрелии Зугдиди и над остальной частью Мегрелии, грузинские правительственные войска 4 февраля 1992 г. вошли в Абхазию, чтобы расправиться там с местными звиадистами. Абхазские власти согласились не препятствовать продвижению грузинских частей по территории Абхазии при условии их краткосрочного там пребывания. Утром 6 февраля грузинские войска вошли в Сухум и проследовали в Гагру. На р. Псоу они вместе с представителями грузинского духовенства освятили воду пограничной с Россией реки и поцеловали землю “на границе Грузии”. Этот ритуал был показан по телевидению и вызвал недовольство абхазов.

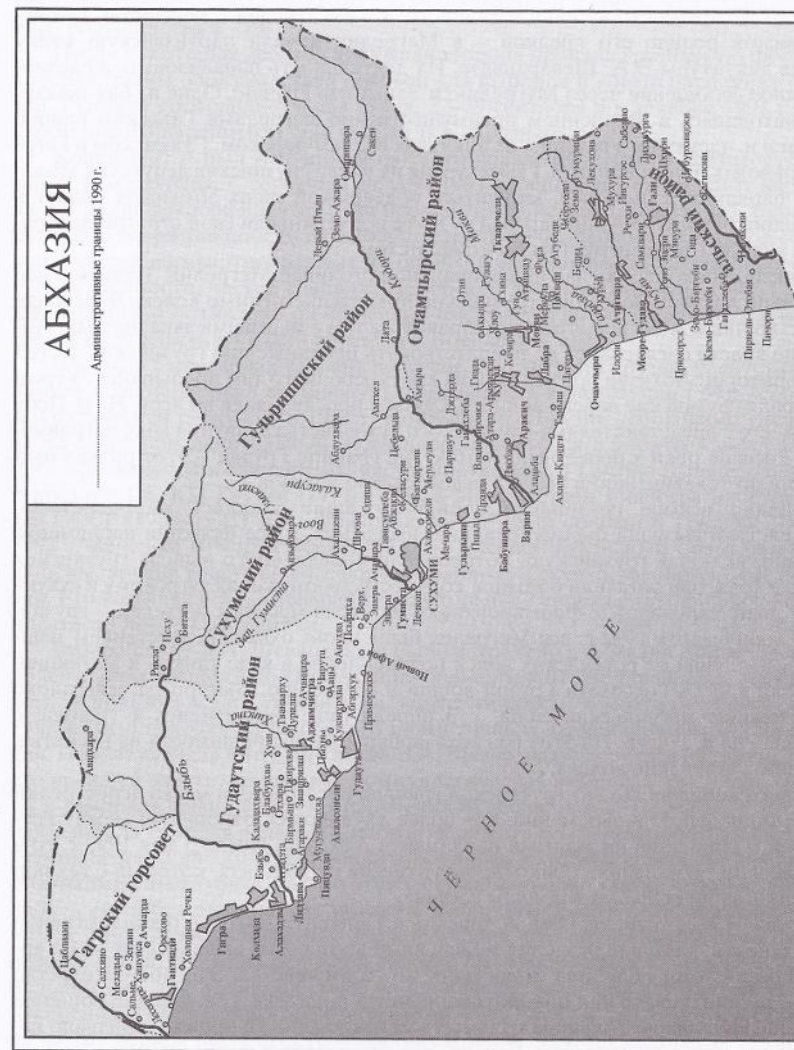
Однако вскоре грузинские военнослужащие занялись мародерством. Эти действия вызвали бурную реакцию населения, и все фракции парламента Абхазии, включая грузинскую, потребовали немедленного вывода грузинских войск. Уходя, они оставили большое количество вооружения гагрскому и сухумскому военизированным формированиям из числа местных жителей – грузин.

К концу марта 1992 г. вся Мегрелия была вновь охвачена восстанием звиадистов. Получив от российских войск подкрепление в виде танков и амуниции, 1 апреля войска Госсвета Грузии вошли в Мегрелию. Быстро рассеяв плохо вооруженные мегрельские силы, к 3 апреля они приблизились к границе с Абхазией на р. Ингур. На этот раз абхазы были полны решимости не пускать в Абхазию грузинские войска.

Напряжение на абхазо-грузинской границе росло, имели место перестрелки и гибель людей. Одновременно, все более ухудшались отношения между грузинской и остальной фракциями парламента Абхазии. После 5 мая 1992 г. грузинские депутаты начали бойкотировать сессии парламента, который с тех пор уже никогда не собрался в полном составе.

15 мая 1992 г. страны СНГ подписали в Ташкенте Договор о коллективной безопасности, который разделил между ними имущество бывшей советской армии. Грузия тоже получила свою часть этого имущества. Это обстоятельство можно рассматривать как поворотный пункт в политике Тбилиси в отношении Абхазии. Обладание большим количеством современного оружия создавало качественно иную ситуацию для Грузии, так как впервые предоставило в ее распоряжение мощные военные средства, которые могли быть эффективно использованы как против оппонентов нового режима, так и против “сепаратистов” в Абхазии.

Соглашение о перемирии в Южной Осетии в июне 1992 г., достигнутое при посредничестве России, вселило новые надежды, что конфликта между Грузией

Абхазия в административных границах 1990 г.
Автор-составитель В.В. Степанов, 2006 г.

и Абхазией можно избежать. В стремлении преодолеть конституционный вакуум, сложившийся между Абхазией и Грузией, 13 июня в абхазской прессе был опубликован подготовленный абхазским юристом Т.М. Шамба проект документа под названием “Договор о принципах взаимоотношений между Республикой Абхазия и Республикой Грузия” (предложения к проекту). Проект предусматривал установление федеративных отношений между Абхазией и Грузией в рамках одного государства. Никакой реакции на этот проект из Тбилиси не последовало.

Упорное нежелание правительства Э.А. Шеварднадзе обсуждать юридический статус Абхазии не помешало абхазскому руководству предпринять дальнейшие шаги в этом направлении. Следуя примеру Грузии, которая вернулась к конституции 1921 г., 23 июля 1992 г. абхазский парламент отменил конституцию Абхазии 1978 г. и временно принял конституцию Абхазии 1925 г., согласно которой Абхазия и Грузия были объединены на основе Договора о Союзе. Это решение было принято простым большинством голосов (35 депутатов из 65). Грузинская часть парламента бойкотировала дебаты. Парламент изменил явно ставшее анахронизмом советское название Абхазии – “Советская Социалистическая Республика Абхазия” – на “Республика Абхазия”. Были утверждены новые государственные символы – флаг и герб.

Пойдя на такой шаг, абхазское руководство, тем не менее, обратилось к Грузии с предложением начать переговоры о распределении полномочий между Сухумом и Тбилиси. Выступивший в тот же день по местному телевидению председатель парламента В. Ардзинба объяснил необходимость временного принятия конституции 1925 г. и подчеркнул, что это не означает выхода Абхазии из Грузии. Он сказал, что абхазское правительство предлагает Тбилиси начать переговоры о конституционном оформлении отношений между Грузией и Абхазией.

Несмотря на такие разъяснения, 25 июля члены Госсовета Грузии объявили принятые парламентом Абхазии документы не имеющими юридической силы.

На фоне этих непростых событий новый импульс был дан связям абхазов с родственными адыгским и абазинским народами, а также с абхазской диаспорой. В Сухуме 18 июля 1992 г. состоялся Всемирный фестиваль абхазо-адыгских народов. Представители абхазской и адыгской диаспор из Турции, Сирии, Иордании, США, Германии, Израиля и других стран прибыли в Абхазию для демонстрации своего единства и национального возрождения. Фестиваль, который завершился 23 июля, в день принятия абхазским парламентом конституции Абхазии 1925 г., сыграл важную роль в консолидации абхазов и адыгов, а также их диаспор, накануне войны с Грузией.

31 июля 1992 г. Грузия была принята в члены ООН. Этот акт означал международное признание внешних границ Грузии с включением Абхазии и Южной Осетии в состав грузинского государства, без какого-либо референдума среди их населения и без предварительных переговоров с политическими структурами бывших автономий. На момент принятия в ООН Грузия так и не смогла окончательно завершить конфликт в Южной Осетии, находилась в опасной конфронтации с Абхазией, государственную ткань разрывал тлеющий очаг гражданской войны в одном из регионов страны – в Мегрелии.

Однако руки были развязаны. 10 августа 1992 г. состоялось роковое как для истории Абхазии, так и для Грузии заседание грузинского руководства, которое предпочло военное решение сложнейшей проблемы Абхазии. Ввод войск неуклюже пытались объяснить “необходимостью борьбы с терроризмом охраны железных дорог”.

Э.А. Шеварднадзе все же дал себя убедить ястребам в своей администрации и принял фатальное решение, которое ознаменовало развязывание полномасштабного военного конфликта в Абхазии.

АБХАЗИЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI в.

Ранним утром 14 августа 1992 г. грузинские войска вторглись на территорию Абхазии. В наступлении участвовало до 2 тыс. солдат и офицеров, 58 единиц бронетехники, большое количество артиллерии. Движение сухопутных войск поддерживалось военно-воздушными и военно-морскими силами вооруженных сил Грузии.

Пройдя Гальский и Очамчёрский районы, грузинские войска к 12 часам дня были остановлены на восточных подступах к центру г. Сухум в районе Красного моста, где занимали оборону бойцы Отдельного полка внутренних войск (ОПВВ). В ходе завязавшегося боя головной грузинский танк был подбит, движение войск заблокировано. Над Сухумом стали кружить грузинские боевые вертолеты, нанося ракетно-бомбовые удары по позициям ОПВВ, а также, чтобы посеять в городе панику, по мирному населению.

Тем временем к Красному мосту стали стекаться мирные жители, готовые встать в ряды бойцов, из Нового Афона и близлежащих сел начали подъезжать ополченцы. В тот же день 14 августа Президиум Верховного Совета Абхазии объявил о мобилизации граждан в возрасте от 16 до 40 лет. Председатель Верховного Совета Республики Абхазия В.Г. Ардзинба выступил по абхазскому телевидению с призывом организовать отпор войскам Госсовета Грузии. Учитывая сложившуюся ситуацию, Верховный Совет Абхазии, его председатель – В.Г. Ардзинба, правительство республики были вынуждены переместиться в г. Гудаута, который стал временной столицей Абхазии на период войны.

15 августа ознаменовалось новым витком военного противостояния. В этот день грузинский десант высадился в районе Цандрипша (Гантиади) и захватил стратегический участок побережья республики, примыкавший к российско-абхазской границе по р. Псоу. Абхазия оказалась в кольце военной блокады.

В результате переговоров с грузинской стороной была достигнута договоренность о демилитаризации. Грузинские войска должны были быть выведены из Сухума и Гагры, абхазским ополченцам также надлежало покинуть эти города. Однако перемирие было недолгим. 18 августа грузинские войска, воспользовавшись отсутствием абхазских формирований в городе, заняли Сухум и Гагру. Начались повальные грабежи магазинов, складов, частных домов и квартир лиц негрузинской национальности, убийства и издевательства над мирными гражданами. Негрузинские жители Сухума и Гагры в панике бежали из города, поток беженцев хлынул также из сельских местностей, оказавшихся под контролем грузинских войск.

Бойцы ОПВВ и ополченцы, вышедшие накануне из Сухума, перекрыли на р. Гумиста дальнейшее движение грузинских войск в сторону Нового Афона, одновременно было перекрыто движение грузинских войск из Гагра в сторону Гудауты. На сухумском и гагрском направлениях началось строительство оборонительных рубежей. 18 августа 1992 г. Президиум Верховного Совета РА создал Государственный комитет обороны (ГКО) под руководством В.Г. Ардзинба. В руках ГКО сосредотачивалась вся полнота власти по обороне республики. Командующим Вооруженными силами Абхазии назначается полковник В. Ка-